
Прощальный поцелуй кленового листа...
Зима, увы, уже не за горами.
И что случится в эту пору с нами,
Когда душа, как глупый день пуста?

Каким большим казался этот день! –
Мы словно птицы в пору ту летали!..
Ну, а теперь он – блик свечи в тумане,
Дрожащий будто спугнутый олень.

И как нам задержать, остановить его?!
Взгляни – вновь блещут на рассвете дали!..
А мы потертой стороной медали
Хотим блистать... но лучше – ничего.

Знай, зимнею порой согреет нас любовь,
И подведет к последнему чертогу...
Очистится душа, уйдет тревога...
Но осенью, зачем такая боль?!

Нежная свирель играет где-то,
Снова я ищу свищу ответа...
Нежная свирель еще играет!..
Пусть она поет – не умолкает.

Внутри меня молчание...
Три ночи на часах,
Колесное шуршание –
Мой заполночный страх.

Сижу халатной мумией
И думаю: «Кто я?..
На кой мне черт заумия
О смысле бытия,

Которого на гулькин-то
Не хватит? – только быт,
Рутинa дня и хлопоты –
Путь бытию закрыт».

Но я сижу и слушаю
Шуршанье нервных шин...
Ноябрьской порошею
Присыпан боли сплин.

Сверкал этот вечер осенний,
Как-будто промыли стекло...
Пестрядевой канителью
Мерцало и грело оно.

Я шел, вспоминая, как в детстве
Из школы – в конце декабря,
Я плелся, и вдруг, пораженный,
Застыл – от причуды огня!

Вся в лампочках, может в три цвета,
А может в четыре – не суть,
Но елка простецкая эта
Открыла мне праздника суть.

Не сиюминутного, что вы,
А праздника жизни, как есть.
В сверкании гирлянды еловой
Открылась мне тайная весть.

В аккорде искрящейся вьюги,
И в гамме трех скромных цветов,
Струилась симфония звуков –
Волшебно поющих миров!..

Я понял всю истину чуда:
Его недосказанность – бог,
Рождающий из ниоткуда
Основу прекрасных дорог –

Иллюзии и вдохновенья,
И детского взгляда на мир...
С тех пор, вести той мановенья –
Благой мой хранитель-кумир.

Тихим снегом полна чаша –
Поседевшие края...
Взгляд задумчив,
Близость наша, как январская заря.

За фантомом дымных веток
Вижу чистый образ твой –
Будто зыбкий лепет лета
Над поникшей головой.

Эме Фитцджеральд

Пела дождем за окном...
На кристаллы разбиты звуки,
И рояль в реву ледяном
Мне протягивал черные руки.

Лорелея, Лорелея... страстным пламенем лелея,
Томных лилий тянет звук.
Элла, Элла... густо-белым
Тонет в сердце пряный стук.

Стынут струн тончайшие лучи,
Сонный воздух разрезают трубы!..
Ветошь грязных облаков молчит,
Слушая, как плачут эти губы.

Вдрогнула вишня!
Белый летит лепесток –
Ветренный май.

Свинцовым лепестком –
Печаль на стол...
Тяжелая печать
Земной разлуки.

В ней чьи-то судьбы,
Как согбенный вол,
Бредут, бредут
Сквозь слезы, боль и муки...

Жидкая купа ольхи
В поле – у черной реки,
Белая церковь вдали,
И облаков корабли.

Августом пьян пряный лес,
Косит кузнечик жару...
Синее пламя небес
Тонет в студеном виру.

Неон огней на россыпях алмазных,
Разбрызганных по веткам черных лип...
Сверкает в лужах брошью безобразной,
И прячет в ряби века детский всхлип.

Ничего не кончается –
Это было бы слишком просто.
Мы идем бесконечной дорогой
Мимо бранных погостов.

Н. Л.

– 1 –

В глазах твоих тоскует море...
Совет... а губы – шум прибоя,
Влекут сумятицей глубин,
И шепчут мне, что я – один
Пловец – меж этих волн бесценных,
Глубин и впадин драгоценных
Никем не тронутой любви...

Вновь пальцев нежное касанье,
Соитие волны и дюн,
Клубка горячих змей метанье
Среди осколков сотен лун.

– 2 –

Железнодорожная лихорадка
Трясет на стыках...
Я еду в копейку –
Изгоем припадка –
Влюбленностью мыкать,
И ждать на скамейках
Твой выход и встречу –
На мертвых скамейках.

Гроздь сирени
В мареве мая,
Ласточек звонкий полет...

Все расцветает
И умирает...
Но никогда не умрет!

Старики, как опавшие листья
Опадают... И все. Навсегда.
Да, я знаю, что смерть словно бритва,
Только жизнь, это – просто вода.

А чужая?.. Чего она стоит?!
Глуп вопрос. Ничего, если нет
Этой нищей покинутой веры
У страны, где вся жизнь, как вертеп.

Старики, как опавшие листья...

Может я уже в аду?!
Или это все приснилось?..
Все живут, как в том саду,
Где нам счастье только снилось:

Все уверены в себе,
Скалят в небо наглой рожей...
Неужели это мне?..
Сохрани, Великий Боже!

Я узнаю твой образ дикий –
Багровых крыш холодный лед, –
Мой город в тишине безликой,
В январский утренний восход.

ТРИОЛЕТА

Как ни люблю тебя, родная,
Но, все же, путь мой одиноч –
Такой на мне лежит зарок.
Как ни люблю тебя, родная,
Манит дорога полевая,
И дальних звезд милей кивок.
Как ни люблю тебя, родная,
Но, все же, путь мой одиноч.

Улыбнись, дурачок!
Не ищи пятачок,
Не скачи и не плачь
Спозаранку.

Жизнь – обидный щелчок?
Не скули, дурачок!
Нынче людям
Завидуют танки.

Я поеду по снегу,
По первому снегу – к маме...

Я поклонюсь рябинам,
Я погляжу на поле,

Я посмотрю на небо,
Звездам кивну родимым.

Выйдет к крылечку мама,
Маму я поцелую.

В позолоте октября,
Кровельщики молотками гремя,
К крыше здания
Прибивают гвоздями небо...
Не пахнет похолоданием.
Листья кочуют по улицам –
От закоулка до закоулка...
Под шебуршащий променад
Выползают люди
На прогулку вечернюю,
Кто на час, кто на сутки
Отбросив свой ад...
Птицы небесные
Знают толк в предвестьях,
И оставив стремянку из веток,
Подкинутые к солнцу
Благою вестью непостоянств,
Толкают пространство
Света Божьего...
Холодно, тепло, жарко!
А у мира запарка –
Постоянство войны.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЛЮ СЕЗАННУ

Драконы под соснами...
Голос ветра чуть слышен
В корявых корнях,
Извилистых словно
Драконовы спины...

Вся тайна сосны – в корнях и вершинах –
Страстях и надеждах Сезанна.
Драконы поют: – Донна Анна!
И пламя на соснах горит
В лучах уходящего солнца!..

И в море стекает слезой янтаря,
Медовым овалом ствола
Шершавость ладоней коры обтекая – по линиям жизни,
С польннной горчиною ветра смешавшись –
Спешит прямо к морю...

О чем этот плач твой, сосна: «Донна Анна!»?
Быть может стоять ты устала
У самого древнего моря –
Так неприютно, и одноного, и неустанно?..
Шепни мне, прошу!

Ведь я еще слышу шуршание речи твоих муравьев,
Бегущих с поклоном – к драконам...
Несущих застывшие капельки солнца
В своих челюстях мелкоскопных,
И скопом кладущих в корявые лапы,

Что вдруг претворились корнями твоими...
Шепни мне, сосна, я пойму!
И вечером тихим, к тебе приглашу я Сезанна,
Чтоб вы, наконец-то, сумели во всем объясниться –
До самой последней янтарной слезы...

Я знаю, что птица на ветках твоих –
Это он, пахтающий кистью
Сверкающий солнца желток – с синью неба...
И сквозь восхитительный сон,
Смешав гроздь боли, поступков и мыслей,

Он красочной трелью танцующей кисти
Напишет тебя на холсте безвременья...
Все море бушующих в мире страстей
Легко уместив на вершине твоей,
И крик: «Донна Анна!» – Сезанна.

Какой-то стальной поволокой
Затянуты мысли и смысл...
Тащить камень быта далеко, –
Сизифова поступь – вверх, вниз...

А небо, в прожилках сирени,
Густеет ультрамарином,
И скалы небес – в рыжей пене –
Зеленой волной окатило!..

Я сброшу с души черный камень,
И гору страданий покину,
Шагнув через ворох желаний
К небесной тропе пилигримов.

А. Белому (Б. Бугаев)

Беспечный цок танцующих шагов,
Глаз зелень – в золоте лазури,
Певучий вой прозрений и стихов! –
Летающий белый бык – серебряная пуля...

Улыбка призрачна, как Петербург
В ночь бледную – под белизной эмали
Небесной... Завершая круг
Угла, летит он в ангельские дали!..

О эта неухоженность эпохи
В трезвонах дребезжащего трамвая! –
Прохожие, как скачущие блохи,
Пытаются вцепиться в ляжку рая.

Снились сны
Всю ночь сегодня –
То страшней,
То благородней:

Дрожь земли,
Страна забвенья,
Шалый ветер,
Мамы зов,

Глупый друг,
Река, деревья,
Мрачный грохот
Злых низов...

Крикнуть бы: «Мама!» – с облаков –
В последнем «прости»,
Стать новорожденным –
Знающим конец пути,

И все простить
С верхушки паутины,
И вырасти пером –
В хвост перистый,

Шипящий в бирюзе –
С сапфировым отливом –
Из-под заката,
Тянущего гром.